

Бобби перегнулся через стойку, чтобы его никто не слышал.

— Вы только не шарахайтесь, — сказал он. — Пусть вас не смущает размах. Нужно дерзать, Том. Давайте напишем с вами конец света. — Он выдержал паузу. — В натуральную величину.

— Ого.

— Ничего не «ого». Вот слушайте.

Эрнест Хемингуэй,
«Острова в океане»

Убедитесь в том, что велосипед подходит вам по размеру.

Убедитесь в том, что вы умеете управлять велосипедом.

Перед остановкой убедитесь в том, что у вас свободна хотя бы одна нога.

Руководство
по эксплуатации велосипеда

Пролог

ВЫСОКИЙ ПРЫЖОК

Охренеть можно, думает старшина второй статьи Григорьев, глядя на гранату, которая только что (прямо, блин, щас!) выкатилась к его лицу. Граненая шишка, металлический шар в геометрически правильной фасовке каналов, лежит на расстоянии вытянутой руки: в принципе, можно дотянуться и прижать рычаг — только толку, увы, никакого. Насколько помнит старшина, а помнит он обшарпанный стенд с плакатом: граната ручная Ф-1, вскрытая по оси симметрии; кольцо, пороховой заряд, рычаг, выдернуть и прижать, радиус поражения двести метров, надпись химическим карандашом «Костя — дегенерат» и стрелка к запалу, похожему на зеленый член в разрезе, — у него осталось секунды три. Потом долбанет так, что мало не покажется.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет. Это еще не граната. Это означает, что железная коробочка, по недоразумению именуемая подводной лодкой «К-3», опять задела край полыньи легким корпусом.

Шимун Врочек

Правее Григорьева в ожидании кровавой бани лежит «тариш адмирал флота». Лицо у него белое, как простыня на просушке. Он выдыхает пар и смотрит. Видно, что перспектива превратиться в тонкий слой рубленого мяса, равномерно размазанный по отсеку, прельщает его не больше, чем простых матросов.

Судя по комплекции товарища адмирала — фарш будет с салцом.

Григорьев еще немного думает, потом подтягивает свои семьдесят килограммов на руках и укладывает животом на гранату. Еще один способ почувствовать себя полным идиотом. Граната упирается в желудок, холодит брюшные мышцы — это действует как слабительное. Старшина сжимает задницу, чтобы не обделаться. Страшно до чертиков. Почему-то, как назло, ничего героического в голову не приходит, а из хорошего вспоминается только белый лифчик, обшитый гипюром. Дальше лифчика воображение не заглядывает, хотя явно есть куда. Обидно.

Один, считает старшина.

237 дней до

— Страшно, товарищ адмирал. У них лица живые. До Васильева не сразу доходит.

— Что?

В трюме подлодки пляшут лучи фонарей. Маслянисто-черная жижа хлопает под ногами — воды не так много, видимо, экипаж успел задраить поврежденные отсеки и умирал уже от удушья.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Семь лет. Васильев идет за лейтенантом, который говорил про лица. Пропавшая без вести «С-18». Лодка в открытом море получила отрицательную плавучесть и легла на дно — если бы не это, у моряков оставался бы шанс. Всплыть они не смогли, хотя насосы главных цистерн еще работали и электроэнергия была. Проклятое дно держало, как присоска.

— Товарищ адмирал!

Луч фонаря выхватывает из темноты надпись на столе. Царапины на мягком алюминии сделаны отверткой — она лежит рядом.

«Будь прокляты те, кто научил нас пользоваться ИДА».

Рядом сидит, прислонившись к койке, человек в черной робе. На нем аппарат искусственного дыхания. Теперь адмирал понимает, что означает надпись. Лодку нашли спустя семь лет после гибели — а неизвестный матрос до последнего ждал спасения. Они стучали в переборки, чтобы подать сигнал спасателям. Они пытались выйти через торпедные аппараты. Глубина почти триста метров — значит, шансов никаких. Но они продолжали надеяться — и продлевали агонию.

Если бы тогда, в пятьдесят втором, лодку удалось найти, думает Васильев. Черт.

Ничего. Не было тогда технических средств для спасения экипажа «С-18». Ее и сейчас-то удалось поднять с огромным трудом, чуть ли не весь Северный флот подключили...

Под ногами плещется вода с дизтопливом и нечистотами. Адмирал прижимает платок к носу.

«Будь прокляты те...»

Лейтенант резко останавливается — Васильев едва не втыкается ему в спину.

— Что?

Лейтенант присаживается на корточки и переворачивает очередное тело. Светит фонарем. Потом лейтенант смотрит вверх, на Васильева, и говорит:

— Видите, товарищ адмирал?

Васильев смотрит и невольно отшатывается.

Молодой безусый матрос — из какой-то русской глубинки. Русые волосы в мазуте. Адмирал чувствует дурноту: матрос уже семь лет как мертв, но у него розовое лицо с легким румянцем и никаких следов тления.

Он выглядит спящим.

146 дней до

Подводникам положены жратва от пуза и кино пять раз в неделю. А еще им положено отвечать на идиотские вопросы начальства.

— Объясните мне, мать вашу, как можно погнуть перископ?!

— Легко, — отвечает командир.

Григорьев, наделенный сверхчеловеческим чутьем, делает шаг назад и оказывается за колонной. Это перископ в походном положении. Отсюда старшина все видит и слышит — или ничего не видит и не слышит, в зависимости от того, как повернется ситуация. Судя по напряженным спинам акустика и радиста, они пришли к такому же решению.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Так, — говорит Васильев и смотрит на капитана Меркулова. Старшину он не замечает.

— Я понимаю, — ядовито продолжает адмирал, — что вам перископ погнуть — нефиг делать, товарищ каперанг. Но мне все же хотелось бы знать, как вы это провернули?

— Очень просто, — говорит Меркулов невозмутимо. Потом объясняет товарищу адмиралу, что наши конструкторы, как обычно, перестарались. Заложенные два реактора (вместо одного, как у американцев на «Наутилусе») дают избыточную мощность, и лодка вместо расчетных 25 узлов подводного хода на мощности реактора 80% выжимает все 32.

— Разве это плохо? — говорит Васильев.

— У вас есть автомобиль, товарищ адмирал?

Васильев выражает вежливое недоумение: почему у представителя штаба флота, заслуженного подводника, члена партии с тысяча девятьсот тридцать девятого года, не должно быть автомобиля?

— Представьте, товарищ адмирал флота, — говорит Меркулов, — стоите вы на переезде, и тут слева приближается гул, который переходит в рев, свист и грохот, а потом мимо вас на скорости шестьдесят километров в час проносится черная «дура» длиной в стадион и массой под четыре тыщи тонн.

Старшина Григорьев стремительно опупевает, но изображает невидимку. Этот спектакль покруче любого кино, и ему не хотелось бы лишиться места в первых рядах.

— Представили, товарищ адмирал? — спрашивает каперанг Меркулов. Васильев молчит, видимо, у него не такое живое воображение. «Ночевала тучка золотая, — некстати вспоминает старшина, — на груди утеса-великана».

На чело утеса-великана наплывает что-то явно тяжелее тучки. Такой грозовой фронт, что адмирал выглядит черным, как угнетенные жители колониальной Африки.

— Имеете в виду вашу лодку? — говорит адмирал наконец. Он уже произвел в уме нехитрые подсчеты, и все складывается: скорость тридцать узлов, длина больше ста метров и соответствующее водоизмещение. Не надо быть Эйнштейном, чтобы угадать в черной «дуре» лодку проекта 627.

— Имею в виду товарный поезд, товарищ адмирал флота. А теперь представьте, что ваша «Победа» высунула морду на рельсы... Вот поэтому перископ и погнули, — заканчивает Меркулов.

Даже школьного образования Григорьева достаточно, чтобы понять — какой-то логической сцепки тут не хватает. И тем более понимает это адмирал Васильев, у которого за плечами военно-морская академия. И вообще, этот каперанг его достал.

— Не понял, — говорит адмирал сухо.

— Вода, — объясняет Меркулов. — Поверхность. Я приказал поднять перископ, чтобы не идти вслепую. А удар на скорости оказался очень сильным, его и согнуло... Потом еле выпрямили, чтобы погрузиться. Эх, надо было делать запасной, как у американцев.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Каперанг говорит про «Наутилус» — первую подводную лодку с атомным реактором. Американцы успели раньше, еще в пятьдесят пятом. В том же году вышло постановление Правительства о создании советской субмарины с ядерным двигателем. Но только сейчас, спустя четыре года, «К-3» вышла на ходовые испытания. Первый советский атомоход.

Кстати, у «Наутилуса» действительно два перископа.

Зато можно сказать, что у Меркулова единственный профессиональный экипаж на весь Союз. Несколько лет подготовки — сначала на берегу, при Обнинской атомной станции, потом на макете лодки, а дальше на живой «К-3», на стапелях и в море. И никаких сменных призывов. Впервые на флоте весь экипаж набран по контракту — одни сверхсрочники и опытные матросы. Меркулов костыми лег, но выбил.

Проблем, конечно, все равно выше крыши.

Например, этот Васильев, больше известный как Дикий Адмирал. Приехал посмотреть результаты ходовых испытаний.

Ну что ж, каперанг Меркулов может результаты предоставить.

На скорости выше пятнадцати узлов гидролокатор бесполезен.

На скоростях выше двадцати узлов от вибрации болят зубы и выкручиваются болты.

На скорости тридцать узлов появляется турбулентность, про которую раньше на подлодках и не слышали. Зато американские противолодочные корабли теперь

Шимун Врочек

«К-3» не догонят — силенок не хватит. Зато нас слышно на весь Мировой океан.

И вот тут мы погнули перископ, говорит Меркулов.

— Еще «бочки» эти дурацкие текут постоянно, — продолжает каперанг. Слушай, Дикий Адмирал, слушай. — На них уже живого места нет.

«Бочки» — это парогенераторы. Система трубопроводов первого и второго контуров реактора. Под высоким давлением «бочки» дают течь, уровень радиации резко идет вверх. Появляется аварийная команда и заваривает трубы. И так до следующего раза.

«Грязная» лодка, говорит Меркулов.

— А потом мы открываем переборки реакторного отсека, чтобы снизить в нем уровень радиации.

— Черт, — говорит адмирал. У него в глазах потрескивают миллирентгены. Васильев нервничает. — И получаете одинаковое загрязнение по всей лодке?

— Совершенно верно, — спокойно отвечает командир «К-3». — Ну, на то мы и советские моряки.

43 дня до

В кают-компании тепло и пахнет хорошим коньяком. Стены обшиты красным деревом, иллюминаторы в латунной окантовке. Мягкий свет плафонов ложится на стол, покрытый белой скатертью, и на мощный красивый лоб главнокомандующего ВМФ.

Главнокомандующий хмурится и говорит:

— Я сам командовал кораблем и прекрасно знаю, что ни один командир не доложит об истинном поло-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

жении вещей. Если ему ставят задачу, он будет выполнять ее любыми правдами и неправдами. Поэтому ты, Меркулов, молчи! О готовности лодки послушаем твоих офицеров.

А что их слушать, думает командир «К-3», каперанг Меркулов. Мы тоже не дураки. На полюс идти надо, так что — пойдем. Лодка к походу готова. А говорить о неисправностях — только лишний раз подставляться... Выйдешь в море на нервах, да еще и ни черта не сделав.

Меркулов выслушивает доклады своих офицеров — на диво оптимистичные. Лодка готова, готова, готова.

Главкомандующий расцветает на глазах. Как розовый куст в свежем навозе.

15 дней до

В надводном положении лодка напоминает серого кита: шкура пятнистая от инея, морда уродливая, характер скверный. Чтобы волнением не болтало, лодка принаитована тросами. Вокруг лодки — суровая северная весна: лед, ветер и черная гладь воды.

На китовой шкуре суетятся мелкие паразиты. Один из паразитов, тот, что повыше, вдруг открывает рот и поет, выпуская клубы пара:

*До встречи с тобою, под сенью заката
Был парень я просто ого-онь.
Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармо-онь.*

У паразита — сильный наполненный баритон. С видимым удовольствием он повторяет припев:

Шимун Врочек

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрустила гармонь.*

— Кто это? — спрашивает Меркулов. Они со старпомом стоят на пирсе, наблюдают за погрузкой и курят. Бледный дым, неотличимый от пара, улетает в серое небо.

— Не знаю, — говорит кап-три Осташко. — Эй, Григорьев! — Старшина оборачивается. — Кто это поет, не знаешь?

Григорьев знает, но отвечать сразу — отдавать по дешевке. Младший командный состав должен знать себе цену. Поэтому старшина прикладывает руку к глазам, долго смотрит (но не так долго, чтобы командир устал ждать), потом изрекает:

— А, понятно. Это каплей Забирка, из прикомандированных. Он вообще худущий, соплей перешибить можно, но голоса — во! Ну, вы сами слышали, товарищ капитан...

И продолжают слышать, кстати.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди,
Ты только одна...*

— Спасибо, старшина. Можете идти.

— Есть.

Они выпускают дым, снова затягиваются.

— Что-то «пассажиров» мало, — говорит командир задумчиво. — Всего один остался. Куда остальные делись, интересно?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Саша, так тебя это радовать должно! — не выдерживает старпом. Он знает, как Меркулов относится к штабным бездельникам, которые идут в поход за орденами и званиями. Обычно таких бывает до десятка. Они первые у котла, у «козла» и у трапа на выход при всплытии. Остальное время «пассажиры» дохнут со скуки и режутся в карты.

— Должно, а не радуется, — говорит Меркулов. — Пассажиры, Паш, — они как крысы, у них чутье звериное. Значит, в опасное дело идем. Или какая-то херня в море случится. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Так что, Паша, будь другом — проверь все сам до последнего винтика. Что-то у меня на душе неспокойно.

— Сделаем, командир.

Еще одна затяжка.

— Товарищ командир, смотрите! — вдруг кричит Григорьев издалека и на что-то показывает. Командир со старпомом поворачиваются. Сперва ничего не понимают. Потом видят, как по дорожке к пирсу, торопясь и оскальзываясь, спускается офицер в черной флотской шинели. В свете дня его обшлага отсвечивают тусклым золотом. Что-то в офицере есть очень знакомое — и не очень приятное.

— Это Дикий Адмирал, — узнает старпом наконец.

Пауза.

— Накаркали, — говорит Меркулов с досадой и сплевывает.

Шимун Врочек

14 дней до

Дикому Адмиралу никто особо не рад. Он это чувствует и начинает злиться. А когда начальство злится, оно ищет повод придрататься, наорать, наказать и тем самым утвердить собственное эго.

— Что это было? — спрашивает Васильев мягко и зловеще.

Но, в общем-то, не на того нарвался. Командир электромеханической боевой части инженер-капитан второго ранга Волынцев Борис Подымович. Заменить его некем, поэтому «механик» откровенно наглеет:

— Внеплановая дифферентовка, товарищ адмирал.

Врет в глаза, сукин кот, думает Меркулов, но молчит. Сзади раздаются смешки, которые тут же стихают. Вообще-то, механик на самом деле дал маху, но адмиралу об этом знать не обязательно. Подумаешь, задрали корму и накренили лодку вправо. Внеплановая дифферентовка, и пошел ты на фиг.

Васильев молчит. Этот раунд он проиграл.

Адмирал ищет, на ком бы еще сорвать злость. На глаза ему попадается вахтенный журнал, Васильев листает его в раздражении.

— Почему в вахтенном журнале бардак?! — спрашивает он наконец. — Старший помощник, это что, боевой корабль или богадельня?!

Офицеры лодки переглядываются.

— Бордель, товарищ адмирал! — отвечает старпом.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

Старпому нельзя терять лицо перед экипажем. Поэтому он начинает дерзить.

— Так, — говорит Васильев зловеще.

К несчастью, кап-три Осташко забыл, что незаменимых старпомов не бывает. Сместить «механика» адмирал не может, потому что некому будет управлять механизмами и погружением, старпом же — другое дело.

Следует мгновенная и жестокая расправа.

— Записать в вахтенный журнал! — командует адмирал. — Приказываю отстранить старшего помощника Осташко от исполнения служебных обязанностей. — Адмирал очень хочет добавить «отстранить на хрен», но такое обычно не заносят в официальные документы. — Принимаю командование на себя. Обязанности старпома возлагаю на командира лодки. Руководитель похода адмирал флота Васильев... Дай, подпишу.

Неуязвимый «механик» хмыкает. Васильев смотрит на него в упор, но ничего не говорит. Сейчас адмирал напоминает хищника моря, огромную белую акулу с кровью на челюстях.

С хрустом перекушенный, старпом бьется в судорогах; потом, бледный как наволочка, уползает в угол и садится. Руки у него дрожат. Это, скорее всего, конвульсии умирающего. А ведь был хороший моряк, думает Меркулов с сожалением.

Потом открывает рот — неожиданно для себя.

— Товарищ адмирал, разрешите вопрос. Зачем нам ядерные торпеды?

Шимун Врочек

13 дней до

Считается, что спиртное — лучшая защита от радиации. Поэтому лодка несет громадный запас белого сухого вина. К «алиготе» прилагаются апельсины, ярко-оранжевые, как Новый год в детском саду. На человека в день положено сто граммов — это немного. Поэтому офицеры скидываются и организуют «черную» кассу — и на эти деньги забивают холодильник в офицерской кают-компании. Чтобы водка была; и была холодная.

Меркулов смотрит на «Саратов» долгим взглядом. Потом пересиливает себя и идет в центральный. Там его уже ожидает радист.

— Получена радиограмма, товарищ командир. От главного энергетика проекта Шаталова.

— И что? — говорит Меркулов.

— «Ознакомившись с техническим состоянием «К-3», категорически требую запретить выход лодки в море». Подпись, дата.

Меркулов усмехается.

— Поздно. Уже вышли. — Поворачивается к старшему, понижает голос: — Вот оно: высокое искусство прикрывать задницу — учись, Паша.

Через полчаса радист опять докладывает:

— Радиограмма из штаба флота. Товарищ командир, «Наутилус» вышел в море. По данным разведки: американцы готовились в дальний поход. Возможно, целью является...

Твою мать, думает Меркулов.

— Полюс? Они вроде там уже были?

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— Так точно: полюс, — говорит радист. — Нам приказано: идти в боевой готовности, на провокации не поддаваться. В случае контакта с американцами действовать по обстановке. Подпись: Главком ВМФ, дата: сегодня.

Меркулов поворачивается и смотрит на Васильева. Тот несколько не удивлен.

По обстановке значит, думает Меркулов. Что-то ты уж больно спокоен, адмирал. С нашими-то тремя торпедами.

Две обычные «Т-5» с атомными зарядами.

И одна «Т-15», чудовищная штука в 27 метров длиной, с водородной бомбой в две с половиной мегатонны. Эта штука проходит через три отсека и упирается в центральный пост. По замыслу конструкторов, такой торпедой можно поразить крупный военно-морской порт противника.

По данным разведки флота, таких портов во всем мире — два. Два! И ни один не имеет стратегического значения.

Тем не менее сейчас подлодка идет к полюсу с полным ядерным боезапасом. И туда же идет штатовский «Наутилус».

Забавно, думает каперанг.

5 дней до

За бортом — белое крошево; черная вода, в которой плавают куски пенопласта. Это паковый лед. Польшья напоминает суповую тарелку с широкими выщерблен-

ными краями. Григорьев ежится — ему даже смотреть на это зябко. Старшину перевели в экипаж с Черноморского флота, поэтому на севере он банально мерзнет. Хотя и родом с Урала.

Морозный воздух обжигает легкие.

Рядом стоит капитан-лейтенант Забирка — фамилия смешная, да и сам тоже, но парень хороший. И совсем не похож на «пассажира». Ребятам Забирка нравится.

Открыли люки, чтобы проветрить внутренние отсеки. Теплый радиоактивный воздух поднимается вверх; вокруг лодки клубится белый туман.

Из дверей рубки, в облаке пара, возникает Дикий Адмирал. Васильев нарочито медлит, хотя старшина видит, как в его глазах шелкают миллирентгены. Старшина вспоминает шутку времен начала службы. «А свинцовые трусы ты себе уже купил?» Некоторые ломались. Интересно, Васильев бы сломался? Адмирал отчаянно боится радиации — но пока держится и даже пьет не больше других.

Забирка свигается; адмирал встает к ограждению, резко вдыхает, жадно оглядывается, словно пытается надыхаться чистым, без альфа- и бета-частиц, воздухом на год вперед. Ну, по крайней мере, до следующей полыньи.

Налетает ветер и сносит туман в сторону. «К-3» покачивается под порывами.

Васильев рефлекторно вцепляется в леер.

Волнение слабое, но лодку бултыхает в полынье, как дерьмо в проруби.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— И якоря у нас тоже нет, — говорит Меркулов за спиной адмирала и исчезает в люке прежде, чем тот успеваеет ответить. Васильев скрипит зубами и беззвучно матерится. За последние дни отношения между проверяющим из штаба и командиром «К-3» испортились окончательно. Старшина делает вид, что ничего не заметил.

Из-за туч выныривает солнце и освещает все, как прожектором.

3 ДНЯ ДО

— Акустик, пассивный режим.

— Есть пассивный режим.

Командир часами лежит на полу, смотрит в перископ. Тот выдвинут едва-едва, чтобы не задеть ледовый пласт, поэтому окуляр находится у самого пола. Меркулов ищет просвет для всплытия. Потом его сменяет старпом, каперанг выпрямляется, хрустит суставами, идет курить. Адмирал появляется в центральном посту все реже. Отсиживается в кормовом отсеке. Кто-то сказал Васильеву, что там радиация полегче. В принципе, это правда — кормовой отсек дальше всего от реакторного.

— Ну что?

— Ничего, товарищ капитан.

Море безмолвствует. Конечно, море полно шумов, это любой акустик скажет — но нет звука чужих винтов. А это самое главное. Старпом перебрасывается фразами с заместителем.

— Теоретически им нас не догнать, — говорит заместитель об американцах.

Шимун Врочек

— А практически?

— А практически мы их не услышим.

— Шумы, — говорит акустик. — Слышу...

— Что? — выпрямляется старпом. — Что слышишь?

Лицо акустика в напряжении. На лбу выступает капля пота, бежит вниз.

— Блин, — говорит вдруг акустик. — Простите, товарищ капитан. Будто дышит кто.

— Что еще? — старпом отбирает наушники, вслушивается в море. Сперва ничего не разбирает, кроме гула и отдаленного звука винтов — это собственный шум «К-3». Потом слышит далекий смех. Потом — глубокий мужской голос на фоне гула океана.

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди-и,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

— Блин, — говорит старпом. Потом командует: — Отставить песню! Дайте мне радио.

— Не надо.

Старпом оборачивается и видит Меркулова, который уже покурил, поел, выспался и успел побриться. Подбородок каперанга сияет чистотой. Старпом мимоходом завидует свежести командира, потом смотрит вопросительно.

— Хорошая песня, — поясняет Меркулов. — Хорошо поет. Акустик, активный режим.

— Есть активный. — Акустик включает гидролокатор. Слышен тонкий импульс сигнала. Меркулов от-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

крывает люк в переборке, то же самое делают в остальных отсеках. Теперь голос слышен без всяких наушников.

*Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

2 ДНЯ ДО

На краю суповой тарелки лежит, замороженная в лед, огромная атлантическая селедка, густо посыпанная крупной белой солью.

— Блин, — говорит старпом. Похоже, словечко привязалось.

Характерная форма рубки и леерных ограждений. До боли знакомые обводы легкого корпуса. Такие очень... очень американские.

— «Наутилус», — говорит Меркулов, сам себе не веря. — Чтоб меня, это же «Наутилус»!

Прибегает мичман-дозиметрист и докладывает:

— Фонит, тарищ командир. Почти как в активной зоне. Может, у них реактор вразнос пошел? Они, наверное, всплыли по-быстрому, их как пробку выбросило — и на лед!

Глаза у мичмана покрасневшие и гноятся. От радиации у половины экипажа — конъюнктивит и экзема. Несколько человек на грани слепоты. Грязная лодка, очень грязная, думает каперанг. Хотя у американцев дела не лучше. У них дела, если честно, совсем плохи.

— Как лодка называется? Опознали?

— Нет, товарищ командир. Там только бортовой номер: пять-семь-один.

Номер «Наутилуса». Значит, я не ошибся, думает капитан. Но что, черт возьми, тогда с ними случилось?

— Сменить одежду, — приказывает Меркулов. — В лодку не заходить, вам сюда принесут — ничего, не замерзнете. Потом отогреетесь. Личные дозиметры — на проверку. Молодцы, ребята. И получить двойную порцию водки. Все, бегом.

— Есть!

Появляется Васильев. С минуту смотрит на тушу американской лодки, потом протирает глаза. У него зрение тоже садится — или адмирал очень удивлен.

Или все разом.

— Блин, — говорит Дикий Адмирал. В этом Меркулов с ним солидарен. — Нашли кого-нибудь?

— Еще нет. Пока не искали. Старпом!

Осташко о чем-то беседует с комиссаром лодки. В этот раз «К-3» поставили вплотную к кромке льда и опустили носовые рули глубины — как трапы. Несколько матросов выглядят на белом фоне, словно вороны на снегу.

— Старпом! — повышает голос Меркулов. Осташко оборачивается. — Паша, возьми людей, возьми автоматы из оружейки. Осмотритесь здесь вокруг. К «Наутилусу» не лезть. Давай, может, кого найдете. Только дозу не забудь измерить. Ну, с богом.

— Понял, — отвечает старпом.

Меркулов поворачивается к Васильеву.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— На твоём месте, — говорит адмирал тихо, — я бы приказал стрелять в любого, кого они обнаружат.

Каперанг надменно вскидывает подбородок. Взгляд его становится тяжелым, свинцовым. Слова чеканятся, как зубилом по металлу.

— Вы что-то знаете?

Адмирал поводит головой, словно воротник кителя натер ему шею.

— Дело твое, — говорит Васильев наконец. В его глазах — непрерывный треск сотен счетчиков Гейгера. — Твое, каперанг. Только не пожалей потом, ладно? Меркулов молчит.

Ты только одна-а, одна виновата...

I день до

— Ктулху, — говорит американец. Он уже должен был загнуться от лучевой болезни, но почему-то не погибает. Только глаза жутко слезятся; огромные язвы — лицо Рокуэлла выглядит пятнистым, как у леопарда. Еще у него выпадают волосы — но при той дозе, что схватил американец, это вообще мелочи.

— Простите? — говорит Меркулов. Он плохо знает английский, но в составе экипажа есть Константин Забирка, который английский знает хорошо. Так что, в общем-то, все друг друга понимают. Кроме моментов, когда американец заводит разговор о Ктулху.

— Говард Лавкрафт, — продолжает американец, — умер в тридцать седьмом. А мы ему не верили.

Ему самому тридцать два. Его зовут Сэм Рокуэлл. Он лейтенант Военно-морского флота США. Еще он совершенно лысый и слепой от радиации.

Близко подойти к «Наутилусу» Меркулов не разрешил. Дорого бы он дал за вахтенный журнал американцев, но... Но. Рассмотрели лодку со всех сторон из биноклей. На правом борту, рядом с рубкой, обнаружили странные повреждения — словно кто-то вырвал кусок легкого корпуса и повредил прочный. Пробоина. Видимо, столкновение? Или удар?

— Да, да, — говорит американец. — Мы закрыли отсек. Потом полный ход. Искали, где подняться наверх. Да, да.

— У вас есть на борту ядерное оружие? — спрашивает Меркулов. — Переведи ему.

Забирка переводит — странно слышать чужие слова, когда их произносит этот глубокий красивый голос.

Американец молчит, смотрит на каперанга. Через желтоватую кожу лица просвечивает кость.

— Дайте ему водки. И повторите вопрос.

— Да, — говорит Рокуэлл, лейтенант Военно-морского флота США. — Мы собирались убить Ктулху. Вы слышали про операцию «Высокий прыжок»? Сорок седьмой год, адмирал Ричард Бёрд. С этого все началось...

12 часов до

Ростом с гору. Так написал Лавкрафт. Еще он описывает, как люди с повышенной чувствительностью — люди искусства, художники, поэты — видели во снах

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

некое чудовище и сходили с ума. От таких снов можно чокнуться, мысленно соглашается Меркулов, вспоминая огромный, затянутый туманом город, от которого словно веяло потаенным ужасом. Невероятные, циклопические сооружения, сочащиеся зеленой слизью. И тени, бродящие где-то там, за туманом, — угадываются их нечеловеческая природа и гигантские размеры. Ростом Ктулху «многие мили». Капитан автоматически пересчитывает морскую милю в километры и думает: очень высокий. Охрененно высокий.

Долбанутые американцы. Не было печали.

Меркулов с облегчением выглатывает водку и зажевывает апельсином. Желудок обжигает — водка ледяная. Потом каперанг убирает бутылку в холодильник, идет бриться и чистить зубы. Командир на лодке должен быть богом, не меньше, — а от богов не пахнет перегаром.

— Слышу «трешотку», — говорит акустик. — Какой-то странный рисунок, товарищ командир.

Меркулов прикладывает наушники, слушает. На фоне непрерывного скрежета, треска и гула — далекий гипнотический ритм: тум-ту-ту-тум, ту-ду. И снова: тум-ту-ту-тум, ту-ду. Мало похоже на звуковой маяк, который выставляют полярники для подводных лодок. К тому же, насколько помнит каперанг, в этом районе никаких советских станций нет.

— Это не наши.

— Это мои, — говорит Васильев хриплым надсаженным голосом. Дикий Адмирал уже второй день пьет по черному, поэтому выглядит как дерьмо. — То есть наши.

Но дерьмо, которое зачем-то выбрилось до синевы, отутюжилось и тщательно, волосок к волоску, причесалось. От Васильева волнами распространяется холодноватый запах хорошего одеколona. Интересно, на кой черт ему это нужно? — думает командир «К-3» про попытку адмирала выглядеть в форме.

— Что это значит? — Меркулов смотрит на адмирала.

— Это значит: дошли, каперанг. «Трешотка» обозначает нашу цель.

Цель? У командира «К-3» от бешенства сводит скулы.

— У меня приказ дойти до полюса, — голос звучит будто со стороны.

Адмирал улыбается. Это слащавая похмельная улыбка — Меркулову хочется врезать по ней, чтобы превратить улыбку в шербатый окровавленный оскал. В этот момент он ненавидит адмирала так, как никогда до этого.

Это *мой* экипаж, думает Меркулов. *Моя* лодка.

— На хрен полюс, — говорит Васильев добродушно. — У тебя, каперанг, другая задача.

8 часов до

Подводный ядерный взрыв, прикидывает Меркулов.

Надо уйти от гидроудара. Сложность в том, что у «К-3» только носовые торпедные аппараты. После выстрела мы получим аварийный дифферент; то есть, попросту говоря, масса воды в несколько тонн хлынет внутрь лодки, заполняя место, которое раньше занима-

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

ла торпеда-гигант. Лодка встанет на попа. Придется срочно продувать носовые балластные цистерны, чтобы выровнять ее. Если чуть ошибемся, «К-3» может выскочить на поверхность, как поплавок. А там лед. Вот будет весело. Даже если все пройдет благополучно и мы выровняем лодку вовремя, то еще нужно набрать ход, развернуться и уходить на полной скорости от ударной волны, вызванной подводным ядерным взрывом.

А там две тысячи четыреста килотонн, думает Меркулов. Охрененная глубинная бомба.

— Акустик, слышишь «трещотку»? Дай точный пеленг.

Акустик дает пеленг. Мичман-расчетчик вносит данные в «Торий». Это новейший вычислитель. Прибор гудит и щелкает, старательно переваривая цифры и цифры. Лодка в это время меняет курс, чтобы дать новые пеленги на цели — их тоже внесут в «Торий». Координаты цели, координаты лодки и так далее. Подводная война — это прежде всего тригонометрия.

Цель неподвижна — поэтому штурман быстрее справляется с помощью логарифмической линейки.

— Готово, командир.

Меркулов глазами показывает: молодец.

Полная тишина. Лодка набирает скорость и выходит на позицию для стрельбы. Расчетная глубина сто метров.

Вдруг динамик оживает. Оттуда докладывают — голосом старшины Григорьева:

Шимун Врочек

— Товарищ командир, греется подшипник электродвигателя главного циркуляционного насоса!

Блин, думает Меркулов. Вот и конец. Мы же подо льдом. Нам на одной турбине переться черт знает сколько. А еще этот Ктулху, Птурху... хер его знает кто.

4 часа до

— Разрешите, товарищ капитан?

Григорьев проходит в кают-компанию, садится на корточки и достает из-под дивана нечто, завернутое в промасленную тряпку. Осторожно разворачивает, словно там чешская хрустальная ваза.

На некоторое время у кап-три Осташко пропадает дар речи. Потому что это гораздо лучше любого, даже венецианского стекла. Все золото мира не взял бы сейчас старпом вместо этого простого куска железа.

— Вот, товарищ капитан, он самый.

На ладонях у Григорьева лежит подшипник, который заменили на заводе. Запасливый старшина прибрал старую деталь и спрятал на всякий пожарный. Интересно, думает старпом, если я загляну под диван, сколько полезного там найду?

— Молодец, Григорьев, — говорит Осташко с чувством.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканивает старшина. Затем — тоном ниже: — Разве что, товарищ капитан, одна закавыка...

— Что еще? — выпрямляется старпом.

— Мы на этом подшипнике все ходовые отмотали.

ВОЙНА-56. ЗОВ ЛАВКРАФТА

— И?

Старшина думает немного и говорит:

— А если он вылетит на хрен?

Короткая пауза.

— Тогда на хрен и будем решать, — говорит Осташко. — Все, работай.

1 час 13 минут до

— Товарищ командир, — слышится из динамика спокойный голос главного механика. — Работы закончены. Разрешите опробовать?

— Пробуй, Подымыч, — говорит командир. Не зря его экипаж дневал и ночевал на лодке все время строительства. Сложнейший ремонт выполнен в открытом море и в подводном положении. Только бы получилось! Только бы. Меркулов скрещивает пальцы.

— Нормально, командир, — докладывает динамик. — Работает как зверь.

Командир объявляет новость по всем отсекам. Слышится тихое «ура». Все, теперь ищем полынью, решает Меркулов.

22 минуты до

— Операция «Высокий прыжок» — в сорок седьмом году экспедиция адмирала Бёрда отправилась в Антарктиду. Целая флотилия, четырнадцать кораблей, даже авианосец был. На хера столько? — вот что интересно. С кем они воевать собирались? А еще интереснее,